

нитки бѣлятся, матушка!“—„А въ сѣняхъ два дощана съ кровью стоять“.—„У-ту, доцунька, это одинъ съ квасомъ, а 2-й съ пивомъ“.—„А я поглядѣла въ двери, ты людепеночка иншѣ“. Матка сказала: „я и тебя съѣмъ“.

Островскій у. 1870 г.

103. [Старая хлѣбъ-соль забывается].

Ишелъ мужикъ съ мешкомъ въ лѣсъ по дороги, а волкъ бѣжитъ ему навстрѣчу отъ охотниковъ и сталъ просить мужика, чтобы спряталъ его. Мужикъ взялъ волка въ мешокъ и пронесъ отъ ахотниковъ, потомъ и выпустилъ изъ мешка. Вдругъ волкъ такъ и говоритъ мужику: „я тебя съемъ“.—„Нѣтъ, говоритъ мужикъ, не смѣешь, а пойдемъ судитца“. И попалась имъ на встрѣчу премудрая лисица. „Куда вы идети, мужикъ“?—„Да вотъ идемъ въ судъ“.—„Что же“?—„Да какъ же, я его сохранилъ отъ смерти, а онъ хочетъ меня съѣсть“. Говоритъ лисица: „пойдемти въ при-судствіе, я васъ посужу“. Вотъ пошли они съзади за лисицаю. Вдругъ она соскацыла накамень и села. „Ну, мужикъ, показывай, какъ у васъ съ волкомъ было дѣло, и ты сохранилъ его отъ смерти“?—„Да вотъ такъ, и лезъ, волкъ, опять въ мешокъ“. Волкъ влезъ, а мужикъ и завѣзалъ его. Тутъ лисица и говоритъ мужику: „бѣй его до смерти“. Вотъ мужикъ прежде судью убилъ да и волка то не упустилъ.

Островскій у. 1870 г.

104. [Оклеветанная сестра].

Нѣ въ которомъ городѣ жилъ купецъ съ женой. Яны жили богато и другъ друга любили. Въ ихъ было двое дѣтей—сынъ и дочь. Дѣти одинъ другаго любили и поцывали, ни въ чемъ одинъ другому непоперецыли и худо одинъ другаго не называли. Родители на ихъ глядѣли и радовались. Когда отецъ сталъ умирать, то дѣтямъ велѣлъ и послѣ смерти его также жить и другъ друга любить. Когда стала мать умирать, то сказала имъ: „дѣтуньки,

послѣ меня также живите и одинъ другаго любите и уважайте“, а сыну сказала: „смотри, сестры не обижай“. Дѣти послѣ смерти родителей такъ и жили: одинъ другаго любили и уважали. Жили яны долголь-мало безъ родителей, сестра надала уговаривать брата жениться, что ей одной трудно работать, братъ на то не согласился. Сестра больше стала наядать брату о женитьбѣ. Енъ хуть и не хотѣлъ жениться, но сестры послухаль, женился. Братъ оженивши съ женкой хорошо жилъ и сестру по прежнему любилъ, уважалъ и не обижалъ. Женка чрезъ это стала на мужа сердиться, а на заловку вдвое. Мужу наговорила на сестру, будто бы она ницова хорошава не зная и дѣлать не вмѣя, за что не возметься, все спортить, цасто бьетъ то и другое и ложекъ и карцовъ не набратъся, все бьетъ и ломаетъ. Братъ женки слухая и сестру не обижая и боится обидѣть, потому что родители не велѣли, а штобы ссору между женкой и сестрой прекратить, братъ для сестры построилъ отдѣльную избушку, тамъ яна и жила. Братъ любилъ охотничать, и когда иде на хвоту и приде со хвоты, все къ сестры зайде съ ей поговорить и посовѣтаться. Жена черезъ то хуже прежняго стала ненавидѣть сестру и цаста лгала на яну брату. Братъ не слухая женкиныхъ рѣчей, все дѣлая по своему, исполняя приказаніе родителей, не обижая сестру. За это женка на сестру аще хуже злилась и на укоризну одинъ разъ въ праздникъ полуштофы и бутылки съ виномъ разбила и сказала на сестру. Братъ ей за то ницего не сдѣлалъ. Въ другой разъ яна взяла загубила самолутшаго жеребца и сказала на заловку. Братъ ей и тутъ ницова не сдѣлалъ и каждый разъ женки на то отвѣцалъ: „Богъ съ ей; Богъ намъ аще дастъ“. То чтобы ему нельзя было оставить безъ наказанія сестры, взяла и загубила своего младенца и сама пошла туда, гдѣ мужъ съ сестрой работали. Съ работы послала заловку домой замесить квашню. Послѣ скоро и сама пришла въ избу и прямо къ зыбки; глядь, а младенецъ не живъ. Тутъ она закричала дурнымъ матомъ, што заловка зарѣзала яинаго (такъ!) сына; на крикъ прибѣгъ и братъ, и самъ увидѣлъ, что сынъ не живъ и не зналъ, што дѣлать: сына жаль и сестры жаль; а женка крицытъ и велить убить сестру, за чѣмъ она убила младенца. Братъ видитъ, что тутъ нельзя не наказать сестры,

взялъ завесъ ея въ лѣсъ и хотѣлъ рубить голову. Яна начала плакать и просить ему и говорила: „лучше ты отруби мнѣ руки и ноги“ Брату сестры жалко стало, радъ бы и простить, но нельзя. Взялъ и отрубилъ ей только руки по локоть, поплакалъ и отпустилъ сестру, куда глаза глядятъ. Она пошла, а братъ, пріѣхавши домой, сказалъ объ томъ и жены. Она тѣмъ осталась и довольна, и послѣ того они стали жить безъ хлопотъ. А сестра ходила долголь-мало, терпѣла голодъ и холодъ, наконецъ, подошла къ царскому саду, а въ томъ саду одна яблонь была оцнѣ хороша и на ей яблоки были оцнѣ красивы-сладки, а какъ она хотѣла истъ, то взяла доставать ртомъ яблоки и ѣсть. Тутъ хватились, что на самолутшей яблони яблоки не всѣ. Царь въ одну ночь велѣлъ караулить. Когда караульные уснули, яна подошла къ этой яблони и опять поѣла яблокъ; тутъ узнали, што опять кто-то ѣлъ яблоки; стали другую ночь краулить и опять не украулили, когда она поѣла яблокъ. Въ третью ночь пошолъ караулить яблоки самъ царицѣ, и когда она подошла къ яблони, то царицѣ увидѣлъ и схватилъ яну. А эта безрукая дѣвица оцнѣ была красива и царицу гораздо пондравилась. Енъ сталъ просить у родителей позволенья жениться. Родители согласились и предлагали ему ту и другую невѣсту, но енъ говорилъ: „позвольте мнѣ ажаниться на той, на которой я пожелаю“. Отецъ и мать на то согласились. Енъ и объявилъ имъ, что енъ хоца жаниться на той безрукой дѣвушки, которую поймалъ подлѣ яблони. Царь и царица сперва задумались, потомъ и благословили. Царицѣ оцнѣ обрадовался, что родители не препятствовали и охотно вступилъ въ супружество съ той безрукой дѣвицей. Живи, поживи съ мужемъ яна—забеременила, а мужъ поѣхалъ воѣвать и отъѣзжая говорилъ, кого бы моя жена не родила, но не крестити до моего пріѣзда. Долголь-мало молодая жена пожила безъ мужа и родила сына чуднаго: руки по локоть въ золоти, поги по колѣно въ серебри, на затылки мѣсяцъ, въ лбу солнце, а на макушки цастыя звѣздачки. Объ этомъ написали мужу письмо и послали съ мужикомъ, который шелъ, шелъ, и застала ночь; енъ и зашелъ къ одному купцу въ домъ и попросился поцевать. Когда посидѣлъ, то и нацалъ рассказывать объ этомъ чудѣ, и когда упомянулъ, что нашъ

царевичъ женился и взялъ незнакомую безрукую дѣвицу замужъ, а яна родила такого-то сына, а это былъ домъ брата безрукой дѣвицы, которая за царевичемъ, а хозяйка и смякнула, что енъ рассказываетъ про ея заловку, стала говорить посланному съ письмомъ: „у меня готова баня такъ сходи попарься; съ дороги хорошо“ Енъ отправился въ баню, а яна взяла письмо, распечатала, процытала и написала другое, „будто-бы твоя жена родила ни волка ни собаку, ни кошку ни мышку, что прикажешь сдѣлать“. Палуцывши это письмо, мужъ написалъ обратно, чтобы не хранить младенца, покуда я самъ пріѣду. Дорожный отправился съ письмомъ и обратно опять зашелъ къ той хозяйки ночевать по старой береги. Яна опять взяла письмо, процытала и написала, чтобъ не только младенца, но и женки не было въ домѣ. Родители, получивши письмо, оцень долго горѣвали и жалѣли младенца и невѣстки: наконецъ, объявили объ томъ и жены сына, она сказала: „штошъ дѣлать“, и ей привязали младенца къ груди и пустили, куда глаза глядятъ. Яна ходила, ходила и разъ ишла около озера и захотѣла напиться, а какъ въ ей руки были отрублены, то яна и побрела поглыбже, чтобъ достать напиться ртомъ, и когда нагнулась, то младенецъ и вывалился въ воду. Яна безъ рукъ не могла его достать, и енъ утонулъ. Мать сказала: „лучшебъ я утонула, чѣмъ сынъ,“ вышла съ озера безъ сына, плакала, плакала и уснула на берегу. Проснувшись, смотреть: у ней руки сдѣлались прежнія и младенецъ сидитъ на водѣ живой. Яна поблагодарила Бога, взяла младенца и, подошедши къ постухамъ, свое хорошее платье отдала постухамъ, а сама вадѣла худое и питалась именемъ Христовымъ. Такъ долголь-мало ходила, наконецъ пришла къ дому брата своего и просится ночевать; тутъ ночеваль, попрежде ей пріѣхавши, какой-то офицеръ. Тотъ смотреть въ окно и отвѣчаетъ: „пущу, если будешь говорить сказки“. Она отказывалась, наконецъ сказала: „буду“. „А если будешь—то иди, я и безъ хозяина пущу“. Она пришла въ избу и, какъ побирашка, ушла въ задній уголъ, а сыну голову закрыла, чтобъ комнаты не освѣтило. Когда легли спать, то хозяинъ и офицеръ надали заставлятъ побираху говорить сказки. Она долго отказывалась и думала, што шутятъ, а какъ узнала, что имъ и вправду хочатся послу-

хатъ сказки и нацала расказывать о своемъ походе. Яны все слухали, а когда нацала объяснять, какъ ее окле- вѣтывала невѣстка, то хозяйка сказала: „полно тебѣ болтать- та! спи“, но хозяинъ съ офицеромъ заставляли продолжать. Когда она концыла расказъ, то офицеръ смякнулъ, что это его жена, и приказалъ для ей сготовить такой же ужинъ, какой ея имѣлъ, и поблагодарилъ за сказку. Утромъ объявилъ побирашки, что „я твой мужъ, а младенецъ твой мой сынъ“; послалъ въ лавку купить хорошее платье, нарядилъ. И хозяинъ объявилъ офицеру, что ея его зять, а это моя сестра, а ваша жена. Тутъ они обрадовались такому случаю, поблагодарили Бога, и долго новые родные пировали и того, што тамъ было, ни перомъ выписать ни словомъ высказать нельзя. Потомъ они всѣ вмѣстѣ отправились къ царю, и царь и царица оцень радовались, хвалили и благодарили за такое чудо Бога. Потомъ задали пиръ на весь міръ, и нацали жить да радоваться и хвалить Бога.

Островскій у. 1870 г.

105. [Мужинъ, медвѣдь и лиса].

Жилъ мужикъ и баба. Мужикъ началъ распахивать подѣ сѣвъ рѣпы землю; пришелъ къ нему медвѣдь и сказалъ: „Богъ помочъ тебѣ, старичокъ!“ — „Спасибо!“ — „Что ты дѣлаешь?“ — „Распахиваю подѣ сѣвъ рѣпы землю“. — „Прими и меня въ долю“. — „Можно!“ Старикъ сталъ землю орать, а медвѣдь лапами боронить. Изготовивши землю, посѣяли рѣпу; рѣпа выросла; старикъ съ медвѣдемъ кинули жеребьемъ, кому достанется низъ и кому верхъ (то есть, кому рѣпа и кому мятина). По жеребью досталась рѣпа старику, а мятина медвѣдю. Медвѣдь, откушавши своей добычи, остался недоволенъ и говоритъ самъ себѣ: „ужо я старику за обманъ отплачу!“ На слѣдующій годъ старикъ началъ готовить землю подѣ посѣвъ пшеницы, и пришелъ къ нему тотъ же медвѣдь и говоритъ: „прими меня въ долю!“ — „Можно!“ И начали оба изготовлять землю; изготовивши, посѣяли пшеницу. Пшеница выросла. Старикъ и говоритъ медвѣдю: „давай бросимъ жеребій, кому достанется верхъ и кому низъ?“ А медвѣдь сказалъ ему: „ты меня въ про-